

Между «своим» и «чужим»: языковые и художественные реалии, проблемы, перспективы литературы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока

В работе рассмотрены некоторые языковые и художественные реалии, проблемы, перспективы словесности народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Зафиксировано повсеместное преобладание русского языка в качестве основного инструмента письма, проанализированы причины языкового перехода, поставлен вопрос о теоретико-содержательном расширении понятия «национальная литература», подчеркнута важность индивидуально-авторской актуализации этнокультурного компонента. Как знаковые проекции развития «миноритарных» национальных литератур рассмотрены прием включения элементов «этнического» языка в русскоязычное стихотворение, обращение к мотивно-тематическому комплексу «родной язык», опыт случайного распознавания своего языка в звуковой природе далекого, генетически чужого языка. Особое внимание уделено проблеме художественного перевода на русский язык, отмечены отдельные сценарии переводческого искажения исходных произведений, прецеденты редукции важных мифологических контекстов. Полученные в ходе анализа большого корпуса поэтических текстов выводы, охватывающие ненецкую, долганскую, эвенскую, чукотскую, корякскую, нанайскую литературы, могут представлять значительный аналитический интерес в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: миноритарные языки, литературы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, поэзия, этнос, художественный перевод, ассимиляция.

The article discusses linguistic and artistic realities, problems and perspectives of the literatures of the indigenous peoples of the North and the Far East. The author fixes the widespread writing of works in Russian, comprehends the reasons for the linguistic transition, raises the question of the theoretical and substantive expansion of the concept of "national literature", emphasizes the importance of the individual author's ethnocultural component. The author considers as a landmark projection of the development of "minority" national literatures the method of including elements of the "native" language in a Russian-language poem, an appeal to the topic "native language", the experience of accidentally recognizing one's own in the sounds of a genetically non-native language. Special attention is paid to the problem of literary translation into Russian, some scenarios of distortion of texts in translations and reduction precedents of important mythological contexts are presented. The conclusions obtained during the analysis of a large corpus of poetic texts from the Nenets, Dolgan, Even, Chukchi, Koryak, Nanai literatures can be of significant analytical interest in a comparative aspect.

Keywords: minority languages, literatures of the indigenous peoples of the North and the Far East, poetry, ethnos, literary translation, assimilation.

Введение

Приоритетным направлением в рамках отечественной гуманитаристики в последние годы становится комплексное исследование языков и литератур народов России. Научным сообществом осознаются уникальность, цивилизационная бесценность историко-культурного наследия нерусских этносов Российской Федерации, многие из которых в начале XXI столетия находятся на грани исчезновения. «Красная книга» языков становится все более объемной, множественные миры материальной и духовной этнокультуры растворяются в небытие. И если народы Поволжья, Урала, Северного Кавказа в силу своих демографических ресурсов и запасов языковой прочности еще могут рассчитывать на поступательное развитие, то миноритарные этносы циркумполярной зоны (за исключением относительно многочисленных «сопротивляющихся» якутов) обречены на потерю языка, значительное ослабление этнической идентичности.

Пожалуй, именно реалии культуры народов Крайнего Севера и Дальнего Востока ввиду «остроты» и даже необратимости ассимиляционных процессов особенно актуальны для многоаспектного гуманитарного исследования. Большой аналитический интерес представляет национальная литература обозначенного ареала — отдельные, связанные с их развитием, современным со-

стоянием выводы носят универсально-типологический характер. На их основе можно выстраивать разнородные хорошо аргументированные теоретические концепции. Примечательно, что творчество национальных авторов Крайнего Севера и Дальнего Востока, тем более в сравнительно-сопоставительном, систематизирующем плане исследовалось недостаточно. Среди известных работ, обращенных к этнохудожественному феномену российского циркумполярия, теоретико-методологической продуктивностью отличаются книги А.С. Жулевой, О.К. Лагуновой, К.К. Султанова, Ю.Г. Хазанкович [3; 8; 13; 14; 15; 16].

Русский язык и национальная литература: pro et contra

Одна из значимых тенденций, характеризующих реальность национальной литературы народов России в начале XXI в. — существенное расширение функций русского языка. Писатели-этнофоры переходят на него по разным причинам: устремленность к «большому» русскоязычному читателю, желание оказаться в резонансном поле совершенно другого масштаба. Отсутствие полноценно работающей системы художественных переводов усиливает потребность в русском языке. Речь идет о переформатировании привычных стратегий письма: автор вынужден сам делать подстрочки своих текстов, а позже, увлекшись этой языковой игрой, пробует писать по-русски. Следует заметить, что многие писатели, манифестирующие себя национальными, в действительности не очень хорошо владеют языком своего народа. Русский де-факто является первым основным языком, возвращение к родному уже почти невозможно. Среди национальных писателей, пишущих на русском языке, существует особая категория авторов, находящихся в плену социокультурных иллюзий: им кажется, что они могут стать значимой частью мира русской словесности.

Рассмотрение всех аспектов и конфигураций взаимосвязей национальных писателей, языков, младописьменных литератур и русского языка — тема отдельного монографического исследования. Заметим, что в литературах народов России преобладают несколько моделей языковых «переключений»: это полный отказ от родного языка в пользу русского, вариант активного художественного билингвизма, сценарий смешения языков в пределах одного текста. Выбирая русский язык, писатель-этнофор, как правило, не отрешивается от своей этнической идентичности, «исходной» литературной традиции. Для него важно сохранить свое «национальное лицо». Он продолжает, невзирая на другой язык художественной репрезентации, соотносить себя со своим этносом.

Повышение уровня значимости русского языка в рамках национального литературного процесса, в системе межлитературной общности народов России — процесс, по-видимому, необратимый. Он требует от исследователей определенной теоретической реакции, соответствующего терминологического поиска. Каковы критерии идентификации? Какие именно факторы позволяют ассоциировать творческую систему конкретного автора с национальной традицией? Эти и другие сопутствующие вопросы по своей природе дискуссионные, предполагающие корректировку. Является ли язык творчества ключевым идентификационным маркером? Какое место в системе «отбора» должно отводиться выбору, самоопределению самого писателя? Может ли русскоязычное произведение быть вписано в художественный контекст, текстовой корпус национальной литературы при условии трансляции этнической картины мира, фольклорно-мифологической составляющей, «ментального горизонта»?

Ч. Айтматов, Ф. Искандер, Ю. Рытхэу и другие писатели в значительной степени благодаря выбору в пользу русского языка еще при жизни стали классиками советской многонациональной литературы. Однако их вклад в фонд словесности, создаваемой на родном языке, оказался очень незначительным. Киргизский, абхазский, чукотский литературные языки могли бы в талантливом художественном преломлении получить новый качественный опыт развития. Но этого, увы, не случилось.

От родного к русскому и обратно: этнолексический компонент в русскоязычном поэтическом тексте

Так случилось, что в фокус прочтения попали именно поэтические тексты. Один из заметных пробелов миноритарных литератур Крайнего Севера и Дальнего Востока — отсутствие на фоне абсолютного доминирования поэзии крупных прозаических жанров, написанных на национальном языке. Данное показательное явление, на наш взгляд, может быть обусловлено недостаточным уровнем владения писателями родным языком. Как бы это парадоксально ни звучало, создание стихотворения не требует от автора большого языкового погружения. Некоторые авторы вполне обходятся этноспецифическими междометиями, трогающим читателя этнически окрашенным наивом, обескураживающей простотой поэтических конструкций. Написание прозаического произведения, напротив, предполагает актуализацию ресурсов «внутреннего синтаксиса» своего-не-своего языка, привлечения значительного объема лексики.

Поэт, пишущий на русском языке, но соотносящий себя со своим народом, истоковой художественной традицией, вводит в систему текста свои этноконструкты. Это могут быть единичные лексемы, имена, имеющие важное культурное значение и выступающие как своеобразные маркеры этнической идентификации. Иногда автор в пределах русского текста приводит целые фразы на языке предков, тем самым «закрывая» смыслы, существенно усложняя рецепцию. Кажется, таким образом происходит дифференциация читателя на «своих» и «чужих», подчеркивается уникальность собственного языкового положения. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих разнообразную с точки зрения масштабов представления модель совмещения языков.

Особый интерес вызывают языковые уровни поэтического творчества юкагира Николая Курилова [5; 6]. Значительный пласт его текстового корпуса составляют произведения, написанные изначально по-юкагирски. Это стихи для «своих», для узкого круга читателей — носителей языка, которые могут оценить и по-особому прочесть образно-символические, мифологическо-смысловые послания автора. Однако широкая читательская аудитория получает представление о литературном таланте поэта, обращаясь к русскоязычным вариациям юкагирских стихотворений. Сам Курилов называет их подстрочниками, как бы занижая лирическое качество и одновременно подчеркивая семантическую точность, некоторую «неотредактированность» этих текстов. Авторские подстрочники, образующие основное текстовое поле книг поэта, являют собой редкое сочетание грамотного русского языка и очень тонкого, эстетически выразительного «этнического» художественного стиля. Такой сочетаемости удастся добиться немногим национальным писателям, переходящим с родного языка на русский. Очевидно, что подстрочники Николая Курилова — самодостаточные произведения, в лучшем свете представляющие традиции юкагирской словесности.

Николай Курилов в своем творчестве достаточно часто задействует лексические ресурсы родного языка. Таким образом формируется особое этносимволическое поле стихотворения. Это еще один способ важного для автора этнокультурного самовыражения, еще один прием этнически выразительной эстетизации. Читатель в данном случае имеет возможность акустически оценить звучание постулируемого языка:

Теперь не нужно заставлять:
Забыли юкагиры,
О, Хойл, как выговорить слова:
— *Мэт вадул нодьэн*, я емь — юкагир... [6. С. 12]
В такой день и жизнь длиннее —
Хозяйка возле дома-*нине*.
А ведь мы так часто оставляем наших матерей... [Там же. С. 20]

Обычно Николай Курилов в пространстве стихотворения оперирует единичными лексемами, преимущественно обозначающими юкагирский предметный мир, объекты материальной культуры. Иногда поэт включает в произведения целые фразы по-юкагирски. Как правило, это ключевые слова

высказывания, зоны авторского «усиления». Среди юкагирского пласта слов, инкорпорированного в русскоязычное стихотворное целое, встречаются сложные мифологически объемные понятия, категории, восходящие к традиционной культуре. Неоднократно приводится лексема «нунни», за которой стоит представление юкагиров о перевоплощении души умершего в младенца. Содержание стихотворения приобретает этнически активированный характер, задается мифологический контекст.

Утро и вечер, свет и тень:
Дети с утра на горке.
Кто из них и чей *нунни*
Спят старики... [Там же. С. 16]

Коряк Владимир Коянто в рамках русскоязычного лирического дискурса также активно оперирует «своими» — национальными — языковыми элементами. Как правило, это междометия, экспрессивная лексика, категории родства, имена собственные.

Я вернулся В декабрьское утро И брожу меж домов... Ни души. – <i>Мэй, Амто!</i> [4. С. 16]	В Параполе мне песню Коряк подарил... <i>Очмын</i> мой – Песня моя! [Там же. С. 44]
--	--

«Вовка! Прости!»
Тнэнэ-матушка
Тоже воспряла... [Там же. С. 17]

К использованию лексических лингвокультурных маркеров прибегают и переводчики. Иногда по договоренности с автором, но чаще самостоятельно, осознавая немалую художественную привлекательность такого приема выразительности.

Так, Владимир Гордеев, переводящий тексты ненецкого поэта П.А. Явтысого, воспроизводит целый ряд ненецких номинаций в текстах, тем самым усиливая этнокультурный контекст произведения. Нередко упоминается главная звезда ненцев — *Нгэрм Нумгы* (Полярная Звезда) [17. С. 59]. В серии текстов приводятся ненецкие названия предметных реалий, различных человеческих ипостасей (*аргиш, макодан, тынзей, ясавэй* и др.).

В переводах стихотворений чукотского поэта Антонины Кымытваль на русский имеют место художественные проявления чукотского языка. Как правило, это консенсус автора и переводчика: первому важно обозначить свои этнокультурные истоки, второму — придать переводимому стихотворению особый этноспецифический колорит. Присутствие в структуре текста чукотской языковой компоненты — прежде всего маркер «своего».

Спасибо, что опять я слышу: «О, ты пришла! Ты возвратилась! <i>Етти!</i> » [7. С. 26] (пер. А. Черевченко)	Не пускали нас ветра, Было много вьюг опасных! <i>А'мын етти, тумгытум!</i> Пора начинать веселый праздник! [Там же. С. 45] (пер. А. Черевченко)
--	--

Чукотские языковые вкрапления в стихах А. Кымытваль представлены как единичными лексемами, так и целыми фразами, «вторгающимися» в художественно-семантическое поле русского языка.

«Дом» своего языка

Автор, творящий на миноритарном языке, хорошо понимает всю трагичность ситуации. Проблема потери языка, осознание важности и сложности его сохранения — магистральные темы в литературах Крайнего Севера и Дальнего Востока. Примечательно, что этот распространенный тематический комплекс получает развитие, несмотря на соцреалистические ограничения, внутреннюю цензуру писателя.

Значимый тематический аспект творчества долганского поэта Огдо Аксеновой — судьба родного языка, связанного с ним континуума «своего». В ее стихотворениях приоткрываются некоторые этнопсихологические нюансы восприятия мира носителями миноритарных языков [1; 2]. С одной стороны, пространство (языковое, культурное) «чужих» все чаще становится для них объективной системой координат, которую нужно уметь принимать, с которой следует смириться. С другой стороны, внутреннее сохранение родного языка — условие духовного равновесия, своеобразный защитный фильтр, ключ к себе. Однако перечисленное — реалии бытия взрослого рефлекслирующего человека. Дети чувствуют эти невидимые границы иначе, у них другие оттенки их восприятия. В стихотворении «Игра» Огдо Аксенова преподносит читателю внутренние ощущения, ассоциации долганского ребенка, вынужденного жить в большом-чужом мире города. В сознании маленького этнофора еще не сложились четкие категории дифференциации, он живет эмоциями. Родной язык для него — одна из ключевых эмоциональных составляющих малой родины, своего дома, семьи. Примечательно, что в тексте язык переключается с топографическими символами (океан, поселок, отчий дом).

В городе очень скучает Уйбачи, Он вспоминает поселок рыбачий, Лед океанский И говор долганский... Горкою корки от апельсина,	Рыжая лодка по скатерти скачет, И улыбается мальчик Уйбачи, Будто бы видит свой дом вдалеке И говорит на родном языке [2. С. 62] (пер. А. Зорина)
--	---

Знаковость родного языка отражена и в любовной лирике Огдо Аксеновой. Полноценное взаимопонимание влюбленных может случиться только на родном языке. Интересно, что гармоничная любовь в художественном мире долганского автора возможна только с соплеменником. Сопреженность со «своим» становится гарантией подлинности, «проверенности» чувства, признаком искренности и надежности.

Солнце ясное гладит нас Теплой рукой. Твое сердце наполнено Жаркой тоской. На родном языке говори...	Быстро мчится река — Воду не унесет, Так и ветер Слова наши Не украдет. На родном языке говори... [2. С. 22] (пер. Л. Яхнина)
--	--

Отношение к родному языку у представителей «больших» народов и малочисленных этносов, по всей видимости, разное. В первом случае у этнофора зачастую нет глубинной духовно-эмоциональной соотнесенности с родным языком, он не чувствует ответственности перед ним, не задумывается о его будущем. Во втором — лингвофор, напротив, находится на ином уровне языкового самоощущения. Язык для него — основа идентичности, ключевой культурный маркер, он живет, творит в ожидании его скорого исчезновения, отсюда — драматические и экспрессивные интонации, «громкий» дискурс языковой тревоги, категоричность разделения мест, людей на «своих» и «чужих».

Эвенский поэт Василий Лебедев, будучи высококвалифицированным филологом, уникальным специалистом по эвенскому языку, фольклору, прекрасно осознавал неизбежность ассимиляции, русификации. В советские годы об этой серьезной проблеме было сложно говорить открыто, нередко приходилось прибегать к языку намеков, неявных параллелей, дискурсу иносказательности. Лебедев, как и многие другие национальные писатели, творчески затрагивал данную тему. Его обеспокоенность утратой своего языка, богатого культурного фонда, привычного образа жизни эвенов нередко прочитывается между строк, имеет несколько завуалированный характер, выражается на уровне отдельных поэтических эпизодов, неожиданных реакций лирических героев. Так, бабушка, в течение многих лет оторванная от родного языка, услышав эвенскую речь, начинает плакать.

Родная старушка, ты плачешь,
 Услышав эвенскую речь,
 И просишь ищущим взглядом:
 Пусть гость говорит... [9. С. 27] (пер. В. Бетаки)

Одни из знаковых, закрытых от быстрого прочтения мотивов, корреспондирующих с множеством авторских подтекстов этнического самоощущения, — мотивы боли, обиды, травмы. Примечательно, что эти этноэкзистенциальные сигналы исходят не от «я» поэта, а переносятся на других, обычно на представителей старшего поколения.

Близкое в далеком: поиск языкового родства

Одна из привлекающих внимание лингвопсихологических реалий — желание расширить географию языкового родства, отыскать неожиданные параллели, стремление найти в звуковом пространстве «чужого» элементы «своего». Так, ненец Юрий Вэлла, пребывая в США, встречался с индейскими поэтами, слушал их язык, знакомился с творчеством, вступал с ними в своеобразный поэтический диалог. Внимание ненецкого автора привлекла импровизация Шервина Битсуна, пишущего на навахо. Его акустический перформанс вызвал мгновенный творческий отклик Вэллы:

to'	ви'

В этих оставшихся в черновиках полуслучайных сонорных играх, экспериментах отражены и генетическая связанность миноритарных языков со звуковым миром природы, мифологическая, заклинательная функциональность слова, слога, символика чисел. Индейские поэты обращаются к тем же кодам художественности.

Среди стихотворений юкагира Николая Курилова есть тексты, которые также связаны с путешествиями поэта и артикулируют его впечатления. Это еще один стадийно-симптоматический сценарий развития миноритарной словесности. Писатель пытается преодолеть границы своего несколько замкнутого этнического континуума, текстуально зафиксировать свои географические перемещения, художественно проявить новые культурные образы, ассоциации. Данная линия становления младописьменной литературы вновь соотносится с усиленным выражением автобиографического начала. Иные локусы, представленные в стихах, несмотря на свою экзотическую отдаленность, метафизически, лингвистически сопряжены с родными местами — этнопространством тундры. О таких неожиданных сближениях, «приоткрывании» дальнего родства произведение «Среди людей я брожу» [б. С. 68–69]. Лирический субъект, находясь в литовском городе, внезапно улавливает в потоке речи похожие на звуки юкагирского языка сочетания. Ему вдруг кажется, что среди чужих слов проступают свои слова. Подобные акустические находки нередко мотивированы внутренней установкой на поиск «своего» в «чужом», обусловлены потребностью носителя «малого» языка в расширении лингвистического горизонта родства. По всей вероятности, рассматриваемый художественный эпизод может свидетельствовать о подсознательном импульсе к сближению, авторском осознании общей судьбы нерусских народов СССР, СНГ.

Зазеркалье художественного перевода

Одна из основных языковых и шире — гуманитарных — реалий/проблем «циркумпольных» литератур связана со сферой художественного перевода. Переводчики за редким исключением не владеют сложными северными языками, не пытаются хотя бы в какой-то степени приблизиться к духовной культуре «переводимого» народа. Работая с подстрочниками, переводчики нередко значительно расширяют образно-символический пласт исходных произведений, привносят в «поле» текста свои слова, эмоции, культурные коды. При этом подлинные релевантные мифологические контексты, знаковые языковые нюансы остаются незамеченными, неоткрытыми.

Ненецкому поэту Прокопию Явтысому не очень повезло с переводчиками. Большинство его текстов, переведенных на русский язык, весьма далеки от оригинала. Ненецкий язык — непростой агглютинативный, обладающий гибкими словообразовательными ресурсами, богатыми возможностями рифмовки, выразительными звуковыми особенностями. Художественный перевод с ненецкого (и других языков народов Севера) — это задача многоаспектная, успешность ее решения зависит от ряда важных факторов. Переводчик должен не только иметь детальное представление об устройстве языка, но и в определенной степени быть погруженным в национальную культуру. Иначе говоря, за переводом стоит серьезная культурологическая работа, обеспечивающая качество «отражаемого» текста.

В отношении творчества П. Явтысого срабатывает другой распространенный в российских переводческих практиках сценарий. Переводчики (в первую очередь Владимир Гордеев, переводивший Явтысого в большом количестве) относились к исходным стихотворениям несколько небрежно. Почти каждый русскоязычный вариант не совпадает с оригиналом ни по количеству строф, строк, ни *sub specie* образно-символической составляющей. Речь идет не об адекватном воспроизведении иных — более специализированных, закрытых от внешней оценки — пластах поэтики. Заметны несовпадения стилистические, психоэмоциональные. «Сглаженный», ровный эмоциональный фон поэзии Прокопия Явтысого, некоторый аскетизм его лирической выразительности в переводах Гордеева утрачены. Напротив, ненецкий поэт предстает в них многословным, пафосным, устремленным к текстовым «длиннотам»; нередко редуцируются мифологические контексты. Как пример несоразмерности оригинального текста и его переводческой вариации приведем стихотворение «Харн” вадин» / «Родной язык» [17. С. 6]. Переводчик, живущий в Подмосковье, не всегда учитывает ненецкие реалии переводимого стихотворения. Он оперирует категориями русского фольклора («беру жарптицево перо и опускаю в серебро»), используя нехарактерные для стиля Явтысого «возвышенные» глаголы русской художественной концептосферы («чтоб Словом боль Души *врачуя*, не ждали исцеленья вдруг...»), стремится придать текстам ненецкого автора языковые оттенки разговорности, обиходности (актуализация форм на *-нье*, союзы *чтоб*, *среди* и т.д.). Регулярно при переводе расширяется текстовый объем, перманентно наблюдается включение отсутствующих в оригинале образных элементов.

Отдельного комментария заслуживает ситуация с переводами на русский язык творчества классика нанайской литературы Андрея Пассара. С одной стороны, его произведения активно переводились, издавались отдельные русскоязычные сборники, знакомившие всесоюзного читателя со стихотворениями нанайского автора. С другой — «русский» Пассар далеко не всегда напоминает себя нанайского: степень переводческого искажения в данном случае особенно велика. При всех очевидных достоинствах советской школы перевода было немало халтуры, брака, невнимания к переводимым на русский язык произведениям. Столичные переводчики с интеллектуальным высокомерием «прочитывали» национальные тексты, особенно если речь шла об отдаленных частях РСФСР, народах без социогуманитарных «рычагов влияния», не пытались рассмотреть/передать художественную индивидуальность, довольствуясь некачественными подстрочниками, избегали знакомства с языками, этнокультурами. Стихи Пассара, несмотря на выраженный этнический символизм, подвергались значительной культурной фильтрации, очищались от этноидентифицирующего пласта поэтики. Его делали русским поэтом более чем умеренной одаренности, лишенным своего голоса, почерка. Особенно заметны стирающие индивидуально-авторское начало Пассара категории и понятия русского тезауруса, картины мира, отнюдь не корреспондирующие с нанайскими. Так, в стихотворении «Разговор с Амуром» река принимает несвойственную нанайским представлениям гендерную окраску и называется батюшкой, с которым лирический субъект хочет говорить о счастье.

Я по закону предков, батюшка Амур,
Хочу поговорить с тобой о счастье [10. С. 12] (пер. Н. Старшинова)

Странно, недостоверно, без отсылки к реалиям традиционной культуры нанайцев представлена сцена разговора лирического героя со старой женщиной-шаманом. Он обращается к ней грубо, непочтительно, что противоречит правилам и предписаниям нанайского народного этикета.

– Дай мне бубен! –
Сказал я шаманке согбенной,
Что тянула
Извечную песню свою... [Там же. С. 31] (пер. О. Зверева)

К пожилым людям, и тем более шаманам, относились с большим уважением, пренебрежительные интонации не допускались.

Проблемы переводчика с исходным материалом, с культурой перевода в целом регулярно обнаруживаются на лингвостилистическом уровне, в контексте поиска, актуализации образов, идиом, лексических эквивалентов.

Когда же хмарь разгонит ветер вещей, И светлый день войдет в свои права, Как шлемы богатырские, заблещут Курильские родные острова...	И океан покажется мне полем, Где правил тризны и пахал народ... Курилы...Богатырская застава На рубеже родной моей страны... [11. С. 19–20] (пер. М. Асламова)
--	--

Примечательно, что именно в стихотворении о Курилах наблюдается высокая концентрация искусственных, выдуманных переводчиком фраз, наиболее выразительно удаленные от текста-оригинала. Очевидны разновекторность автора и переводчика, несовпадение их интересов.

Некоторые лирические тексты Андрея Пассара включают в себя мифологически акцентированные сюжеты, ситуации, требующие от исследователя погружения в традиционную культуру нанайцев. Взаимоналожение соцреалистических норм, усваиваемых писателем установок и генетически предопределенных форм мифологического мироощущения, составляют художественное своеобразие многих национальных литератур советского периода. Мифологический пласт переведенных на русский язык стихов Пассара нельзя назвать репрезентативным. Его переводчики стремились приглушить этот мощный, прорывающийся сквозь нанайские образы и слова голос традиции, народной культуры. В итоге на поверхности стихов Пассара остались «осадки» мифологии, которые, что не удивительно, не придают текстам ощутимого художественного углубления.

В стихотворении «Мама и самолет» [10. С. 25] пожившая некоторое время у сына в городе нанайская старушка возвращается домой в таежный поселок на самолете. Это ее первый полет, и она боится, что может попасть к «верхним людям». Опасение лирической героини отчасти продиктовано логикой авторского замысла, отчасти страхом перед другими мирами, свойственным носителям архаического традиционного сознания. И все же данная лирическая ситуация в плане художественной реализации мифологического кода требует особого внимания.

Мир неба (*боа*) в отличие от земного и загробного характеризуется относительно скудными представлениями, описаниями. В небе когда-то сияли три солнца, светили три луны — первочеловек Хадо расстрелял «лишние» светила из лука, чтобы на земле людям было комфортно жить. Небо в представлении нанайцев — высшая сила, от которой зависела жизнь человека, у него просили здоровья и благополучия для всех членов семьи. К небу в молитвах обращались *боа ама* (отец неба), *боа эндури* (бог неба).

Боязнь попадания старой матушки к «верхним людям» в контексте реалий нанайской традиционной культуры оказывается несколько искусственной, неправдивой. Героиня должна бояться не неба, а мира мертвых *бун*, других подземных миров *доркин* и *гэкэн*. Однако следование подлинным мифологическим сценариям, предполагающее значительное усложнение информации и актуализацию «эксклюзивных» символов, не вписывалось в выверенную систему соцреалистического метода. Складывается впечатление, что переводчик не был заинтересован в создании дополнительных, более сложных семиотических контекстов стихотворения.

В целом в русскоязычных переводах стихотворений Пассара регулярно наблюдается уход от мифологической подлинности, фиксируется замена реальных сценариев поведения этнофоров вымышленными. Так, в произведении «О красоте» в центре поэтического повествования — нанайский охотник Икора, которого автор называет знаменитым, всеми уважаемым человеком. Уточняется, что он много раз оказывался победителем в сражениях с умными и хитрыми зверями. Следы этих схваток с хищниками в виде шрамов, рубцов преподносятся автором как знаки внешней красоты, мужественности, особого опыта охотника, свидетельствуют о его отваге, стойкости.

Слывет красивым тот у нас,
Кому в походе верим,
Кто в ураганный стоек час
И смел в борьбе со зверем.

И те рубцы, и шрамы те
Для знающего взгляда —
Как самой высшей красоте
И почесть, и награда...

[11. С. 20–21] (пер. А. Рыбочкина)

И если в приводимом стихотворении испытанный клыками зверя охотник признается героем, то в традиционных представлениях нанайцев такие выжившие «полужертвы» считались подозрительными, повседневное взаимодействие с ними старались свести к минимуму: «человека, раненного медведем, тигром или кабаном, нанайцы называли *галку най* — «человек-носитель *гала*». Побывавший в соприкосновении с этими животными человек как бы заражался *галом*. Полученный от зверя *гал* был неопасен для самого человека, но налагал ограничения на общение с другими людьми, ибо *гал* мог передаваться другим» [12. С. 152–153].

В творчестве А. Пассара немало текстов, посвященных птицам. Однако далеко не всегда имеют место какие-либо мифологические коннотации орнитоморфных символов. Обратная ситуация — стихотворение «Птичка». Лирический герой говорит с птицей, заглядывающей в его окно. Ему кажется, что это не просто так: она прилетела с посланием. Разговор с птицей, ожидание от нее какого-либо мистического сообщения свидетельствуют об активности мифологического восприятия «я»-субъекта вопреки его социалистической элиминации нанайских традиций. Последняя строфа произведения — эмоционально выразительный монолог и, как показывает сопоставление оригинала и перевода, принадлежит не автору, а переводчику. Осторожные интонации А. Пассара перебиваются уверенно атеистическими утверждениями переводящего «я».

Птичка, птичка, смотри, — видишь пламя зари?
Ты меня хорошенько пойми, разбери:
Бога я не боюсь, — я не верю в него,
Но я гнева народа боюсь моего... [11. С.21] (пер. Н. Старшинова)

Вторичное вмешательство ощущается стилистически: «хорошенько», «птичка», «пламя зари», «разбери», «гнев народа» — категории вне нанайского лексикона. Более того, нанайец, даже самый ярый адепт советской власти, вряд ли стал бы столь громко отрицать существование высших сил.

Заключение

В целом для писателя-этнофора очень важно обозначить внутренние связи с языком своих предков, пусть и наполовину утраченным, творчески поднять тему родного языка. При этом наблюдается потребность расширить свои языковые границы, отыскать неочевидные параллели родства, обнаружить цивилизационное сходство с далекими этносами, культурными зонами. Одна из концептуальных проблем «циркумполярных» литератур — отсутствие квалифицированных переводчиков, способных без больших содержательных потерь передать этноспецифическую художественную индивидуальность писателя.

Перспективы литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока обусловлены прежде всего тотальной языковой ассимиляцией. Очевидно, что ближайшее будущее «циркумполярной» словесности будет связано с русским языком, альтернатив которому в целом нет. На возрождение

миноритарных языков надеяться не приходится: редкие единичные случаи (например, молодой автор — ученица Владимира Санги — пытается писать по-нивхски) не изменят общей картины наступающего языкового беспамятства. Вероятно, писатели-этнофоры все чаще будут придерживаться концепции нерусского русского языка, проявлять в пространстве русскоязычных текстов свои этнокультурные символы, мифологемы, метафоры.

Литература

1. Аксенова О. Бараксан. Стихи / пер. с долган. В.Е. Кравца. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1973.
2. Аксенова О. Признание в любви. Избранное. М.: Полиграфвидео, 1996.
3. Жулева А.С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
4. Коянто В. Олени бежали к морю. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Главы из романа «Родной ветер». Дневники. Эссе. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008.
5. Курилов Н.Н. Стихи // Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы, 2002. С. 322–328.
6. Курилов Н.Н. О вчерашнем вспомню: сборник поэтических произведений. Якутск: Бичик, 2013.
7. Кымытваль А.А. Полярная муза. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1987.
8. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Аипин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007.
9. Лебедев В. Белый олень. Стихи. Л.: Лениздат, 1972.
10. Пассар А.А. Под стук бубна. М.: Сов. Россия, 1969.
11. Пассар А.А. Приглашение: Стихотворения и поэмы. М.: Сов. Россия, 1983.
12. Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 129–188.
13. Султанов К.К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007.
14. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
15. Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009.
16. Хазанкович Ю.Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики. М.: Флинта, 2020.
17. Явтысь П.А. Избранное: стихотворения / сост. Л.В. Царькова. Нарьян-Мар, 2007.



Арзамазов Алексей Андреевич,

доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанский научный центр РАН

Arzamazov Aleksei A.,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

e-mail: arzami@rambler.ru

References

1. Aksenova O. Baraksan. Stikhi / per. s dolgan. V.E. Kravtza. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe kn. izd-vo, 1973.
2. Aksenova O. Priznanie v ljubvi. Izbrannoe. Moscow: Poligrafvideo, 1996.
3. Zhuleva A.S. Mifopoeticheskaia model' mira v nenetskoj literature. Moscow: IMLI RAN, 2019.
4. Koianto V. Oleni bezhali k moriu. Stikhotvoreniia i poemy. Ras-skazy. Glavy iz romana "Rodnoi veter". Dnevnik. Esse. Petropavlovsk-Kamchatsky: Novaia kniga, 2008.
5. Kurilov N.N. Stikhi // Poeziia narodov Krainego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii. Moscow: Severnye prostory, 2002. S. 322–328.
6. Kurilov N.N. O vcherashnem vspomniu: sbornik poeticheskikh proizvedenii. Yakutsk: Bichik, 2013.
7. Kymytval A.A. Poliarnaia muza. Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 1987.
8. Lagunova O.K. Fenomen tvorchestva russoioazychnykh pisatelei nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkaigi). Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2007.
9. Lebedev V. Belyi olen'. Stikhi. Leningrad: Lenizdat, 1972.
10. Passar A.A. Pod stuk bubna. Moscow: Sov. Rossiia, 1969.
11. Passar A.A. Priglasenie: Stikhotvoreniia i poemy. Moscow: Sov. Rossiia, 1983.
12. Smolyak A.V. Predstavleniia nanaitsev o mire // Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiah narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.). Leningrad: Nauka, 1976. S. 129–188.
13. Sultanov K.K. Ot Doma k Miru. Etnonatsional'naia identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog. Moscow: Nauka, 2007.
14. Sultanov K.K. Ugol prelomleniia. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt. Moscow: IMLI RAN, 2019.
15. Khazankovich Yu.G. Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2009.
16. Khazankovich Yu.G. Epicheskie traditsii v proze korenykh malochislennykh narodov Arktiki. Moscow: Flinta, 2020.
17. Yavtysy P.A. Izbrannoe: stikhotvoreniia / sost. L.V. Tsarkova. Naryan-Mar, 2007.

